

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

ФИНИТА ЛЯ КОМЕДИА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 **Финита ля комедия : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-204338-3

В Североеланске с некоторых пор орудует крова-
жадный убийца. Он перебил семью богача Ушакова:
малолетних детей, мать, прислугу, жену. Ушаков в это
время напрасно ждал супругу в театре, ведь она одна
из ведущих актрис. Сыскные агенты быстро находят
мнимого преступника, но происходит еще одно звер-
ское убийство в гостинице — другой актрисы мест-
ного театра и ее любовника. Невольно глава сыскной
полиции Тартищев вспомнил о самоубийстве прима-
донны театра Муромцевой, происшедшем несколько
месяцев назад...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204338-3

© Мельникова И., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

Пусть жизнь страданием измята,
Но я полна одним тобой!
Сияют ярко предо мной
Огни последнего заката.
Любви последние огни
Сильнее вешнего рассвета
И, словно знойный полдень лета,
Пылают пламенем они... —

шепчут ее губы, как молитву, слова романса, которым она заканчивает каждый свой бенефис. Это ее добрый талисман, добрая примета, по-детски наивная вера в исполнение желаний, обычай, от которого она никогда не отказывается. И публика знает об этом, равно как и о том, что надо непременно *попросить* ее исполнить «Огни заката». Первыми начинают вызывать самые восторженные поклонники — студенты. К ним присоединяется бельэтаж, затем — партер, а потом уже и ложи, сверкающие бриллиантами и золотым шитьем мундиров.

«Огни! Огни! Огни!» — скандируют студенты, а зал рукоплещет. Она ждет несколько секунд, прижимая ладони к пылающим щекам. Все в зале знают, что этот романс для *него*... Но лишь единожды она остановит взгляд на его лице и уведет его в сторону, потому что рядом с

ним, на своем законном месте, жена — желтая, раньше времени увядшая женщина с длинным носом, морщинистой шеей и выпуклыми черными глазами.

И все знают, что их связь длится уже пять лет, но Perdrix¹, так с ее же легкой руки прозвали в свете законную супругу богатейшего сибирского промышленника, владельца Центрально-Азиатской компании Саввы Андреевича Булавина, ни в какую не дает ему развода. Кроме того, она постоянно устраивает ему сцены ревности, с истериками, упреками, слезами и обмороками.

«Как вам не стыдно... Вам пятьдесят два года... У вас дочь на выданье... Весь город над вами смеется...»

Perdrix бьет посуду и швыряет в мужа свечными шандалами. В городе это тоже знают и действительно посмеиваются за его спиной, потому что сказать ему о том в лицо, а тем более рассмеяться, не позволит себе даже губернатор.

Но все сцены происходят наедине дома, а на людях, в театре, за кулисами, куда Васса, или Виви Булавина, исправно заходит вместе с мужем поблагодарить актрису за доставленное *удовольствие*, на балах и гуляниях она первой приветствует соперницу. Иногда они даже обменивались поцелуями, если можно так назвать касание холодными губами щеки той, кого ненавидишь всеми фибрами своей души...

К услугам Виви — целый арсенал шпилек, намеков, булавочных укулов и даже змеиных укусов, но она опасается ими пользоваться, потому что знает, у ее соперницы острый, безжалостный язык. Она уже поплатилась, однажды заявив *en petit comite*², что прощает *шалости* своему мужу, ведь после этого он так нежен и горяч в супружеской постели. И уже на следующий день ей передали это мерзкое слово *perdrix*. Его произнесла в сердцах

¹ Куропатка (*фр.*).

² В тесном кругу (*фр.*).

эта негодяйка, которая мнит себя чуть ли не королевой. И прозвище это мигом приклеилось к Виви, доставляя ей несомненные огорчения.

Она была неглупой женщиной и в конце концов поняла, что муж не просто влюблен, он любит, и любит по-настоящему, и против этого уже ничего не могла поделать. И даже губернаторша, женщина недалекая и бестактная, вынуждена была как-то признать: «Виви — сильная женщина. Elle fait bonne mine au mauvais jeu!»¹

А что в конце концов ей оставалось делать?

Ее муж не просто безумно богат. Он еще меценат и страстный театрал. Его слово — закон, не только в городе, но и в театре. Он помогает средствами прогорающим антрепренерам, охотно подкармливает нуждающихся актеров, поддерживает дебютантов и дебютанток. Он — истинный знаток и ценитель искусства. И режиссер знает, что его предложения всегда к месту (равно как и деньги), когда речь заходит о подписании контрактов с актерами, выборе репертуара, декорациях, костюмах, характере персонажей, обстановке и нравах представляемого на сцене общества. Он частенько приезжает на рядовые репетиции, а уж на генеральных и вовсе — первое лицо.

Полжизни они с Виви провели за границей. Ей было не привыкать, что муж тратится на коготок и актрис, пропадает в музеях и картинных галереях, играет в бильярд и на скачках, собирает старинное оружие и средневековые гравюры. А здесь, в Сибири, увлекся вдруг орхидеями, для чего выстроил огромную оранжерею, содержит дюжину садовников и даже выписал из Франции мосье Дежана, как говорят, известного знатока и мастера по разведению редкостных тропических растений.

Но кем бы Савва Андреевич ни увлекался, чем бы он ни занимался, он неизменно возвращался к своей Виви. Поэтому, когда ей донесли, что у него роман с первой

¹ Она делает хорошую мину при плохой игре! (*фр.*)

красавицей Североеланска — примадонной местного казенного театра Полиной Муромцевой, она не слишком расстроилась. В то время мужу было сорок семь. Он страдал одышкой, и хотя был высок и плечист, но уже заметно погрязнул и поседел.

Здесь Виви несколько кривила душой, не желая замечать, что при всей видимой тяжести своей фигуры Савва Андреевич по-прежнему статен и очень подвижен, обладает живой мимикой, приятным голосом и манерами, которые способны очаровать кого угодно. Чувство юмора у него поразительное! Он никогда не допускает скабрзностей и сальных шуток, но ирония пропитывает каждое его слово. Она тонка и изящна, а его глаза так выразительны и излучают столько энергии, что ему не составляет великого труда влюбить в себя *любую* женщину.

Он далеко не красавец. И нос толстоват, и веки тяжеловаты. Высокий лоб кажется еще больше за счет глубоких залысин, но у него твердый, решительный подбородок и красивые чувственные губы, которые выдают некоторую слабость характера, но так нравятся женщинам. И это сочетание слабости и решительности, жесткости и доброты, честности и прямоты делает его привлекательным не только для женщин, но и для его многочисленных друзей, партнеров и даже конкурентов.

Встреча его и Муромцевой не была неожиданностью для обоих. Казалось, они всю жизнь стремились друг к другу. Он только что вернулся в Североеланск после долгого пребывания за границей, а она дебютировала в роли Офелии в «Гамлете» Шекспира. До этого у нее было несколько успешных сезонов в Самаре и Киеве, но развод с мужем и смерть семилетней дочери заставили ее принять предложение антрепренера и забиться в несусветную глушь, где она мечтала обрести долгожданный покой для своей истерзанной страданиями души.

А вместо этого встретила любовь, о которой не смела даже помышлять. Но поначалу она увидела его глаза.

Удивленные и растерянные после первого акта спектакля и полные обожания и любви после его окончания, когда он прошел за кулисы, чтобы поздравить ее с грандиозным успехом. Утром в номер, который она снимала в гостинице, принесли шесть огромных корзин с орхидеями, а в городе зашептались, что Булавин полностью опустошил свою оранжерею ради новой актрисы.

Поначалу она всячески сопротивлялась его напору, и для этого у нее были свои причины. Но когда все-таки сдалась, действительность превзошла все ее ожидания.

Конечно же, все, что случилось с ними, напоминало скорее взрыв, внезапно налетевший ураган! Безумное влечение с обеих сторон, угар, стремительная страсть, водоворот, из которого они не желали выбраться. Их взаимное притяжение было настолько сильным, что она чувствовала, как начинает колотиться ее сердце и дрожать руки, задолго до того, как его экипаж останавливался около подъезда дома, где она снимала квартиру на первом этаже. При его приближении она буквально теряла сознание от одного предчувствия близости с ним, тело ее горело и трепетало в его руках.

А он совершенно забыл не только об обязанностях, но и о приличиях, теперь он мог заявиться домой в два-три часа ночи, причем возвращался через весь город пешком или на извозчике, отсылая собственный экипаж с вечера, а то вовсе, и все чаще, оставался ночевать у любовницы. А на все обвинения Виви и ее требования объясниться отвечал молчанием, запирался в своем кабинете или уезжал в контору компании, а оттуда уже — к Полине или в театр, что, по сути дела, было одно и то же.

А теперь вот вздумал построить и подарить городу новое здание театра, и, как стало известно, об этом его просила Муромцева. И разве он мог ей отказать? Здание уже возвели под крышу, а Савва Андреевич сам закупал для него мебель. И всякие модные нововведения для сцены выписал из Парижа, и музыкальные инструменты

для оркестра из Дрездена и Палермо. А в Санкт-Петербурге уже изготовили по эскизу знаменитого художника Сухарева занавес для сцены, на который ушла прорва золотых и серебряных нитей. И по слухам, красоты он неимоверной, перед которой померкнут занавесы Большого театра и Мариинки. Нет, что бы там ни говорили, но новый театр — это не подарок городу, это прежде всего подарок его обожаемой Полине... Храм, который он строит для своей богини, самой неподражаемой женщины, встреченной им когда-либо!

Любовницей она была крайне деспотичной и ранимой, трепетной и ревливой. И жесткой к малейшим проявлениям лжи и необязательности. И что греха скрывать, Савве Андреевичу, привыкшему к легким интрижкам и ни к чему не обязывающим связям, поначалу пришлось несладко. Она разоблачала его моментально. И, конечно же, понимала, что, заставляя Булавина оправдываться, тем самым его унижает. И столь же быстро его прощала, потому что не переносила унижения даже в мельчайших его проявлениях.

Да, любить ее было нелегко, поэтому многие предпочитали делать это на расстоянии. Тайное обожание давалось гораздо легче, чем укрощение этой гордячки и недотроги, несравненной красавицы, но одновременно и большой умницы.

Очень богатый и по этой причине облеченный почти безграничной властью, в душе Савва Андреевич не был честолюбив и никогда не жаждал власти над другими людьми. Романтичный и душевно неустойчивый, он сознавал свое безволие, хотя порой бывал очень упрям и крайне обидчив, но Полине он подчинился с радостью.

Она держала в вечном напряжении его нервы и сама глубоко страдала от своей, как ей казалось, непомерной жесткости во всем, что касалось его отношений с внешним миром, где не было места для нее. Там, где существовала его семья, его обязанности перед женой и доче-

рю, его компания, которая также отнимала его у нее порой на несколько дней, а то и на месяц, и на два, когда он вынужден был уезжать по делам за границу, в Москву или в Санкт-Петербург.

Но Булавин не только любил свою Полюшку, он обожал свои мучения. Он искал этого рабства всю жизнь, и он его нашел!

И она привязалась к нему всем сердцем. Это была уже настоящая любовь, с заботой и непомерной нежностью, которая возобладала над безумной страстью, сжигавшей их первое время. Радость обладания друг другом не утихала, но рядом с ней жили глубокая, присущая истинной любви печаль и предчувствие неизбежного расставания. Это была одновременно сладкая и горькая любовь-жалость и вместе с тем любовь-страдание, любовь, которая *возносит*, а не опускает человека. Такая любовь дается лишь исключительно сильным и по-особому талантливым людям.

Ни он, ни она не хотели стариться. Оба были настолько деятельны и молоды душой, что, казалось, только помани пальцем, и у ног обоих улягутся в штабеля все, на ком остановится их взгляд. Но они были заняты друг другом... А потом неожиданно свалилась эта болезнь, сильнейшая простуда, которая не выпускала ее из постели больше месяца. Но ведь и раньше они разлучались, и даже на большие сроки. Да и была ли это разлука в истинном понимании этого слова? Булавин навещал ее ежедневно, трогательно заботился, присылал лучших врачей, сам поил ее микстурами и делал теплые компрессы.

И вдруг эти странные слухи по городу. Она возвратилась в театр после болезни похудевшая, слегка побледневшая, но не утратившая ни капли прежней красоты, ни доли обаяния. Ее удивительные зеленые глаза, за которые еще в детстве ее прозвали Дикой Кошкой, стали еще глубже и выразительнее и настолько завораживали и манили, что даже главный режиссер театра Турумин, отъ-

явленный сквернослов и бабник, несколько поубавил свой темперамент и даже не противился, когда она выбрала для своего бенефиса шекспировскую трагедию «Ромео и Джульетта» в переводе Каткова.

Муромцева усиленно репетировала, а Савва Андреевич искренне переживал, что она не жалеет себя, не берется после столь тяжелой болезни.

Но за ее спиной уже всюду шептались. Ехидный смех звучал за кулисами и в уборных. Имя Булавина уже в открытую связывали с именем молоденькой Кати Луневской, дочери богатого меховщика, подарившего Муромцевой в ее предыдущий бенефис двухтысячный палантин из баргузинских соболей.

Говорят, что Катенька необыкновенно хороша. Она получила блестящее образование за границей, свободно говорит на французском, английском и немецком языках. Она высокомерна и изысканна, умна и честолюбива, но, главное, уже знает себе цену, и у нее все еще впереди... По слухам, на последнем балу у нее не было отбоя от кавалеров, но она отдавала явное предпочтение Булавину. И хотя дома ей устроили по этому поводу грандиозный скандал, она, кажется, не слишком обратила на него внимание.

Их уже не раз видели вместе. Катенька, то ли в силу своей неопытности, то ли ранней изощренности ума поделилась некоторыми подробностями этих свиданий с близкими подругами, и вскоре они стали всеобщим достоянием. Никому нет дела, что в этих рассказах больше хвастовства и самолюбования пустоголовой еще девчонки, польщенной вниманием столь неординарного человека, который на добрый десяток лет старше ее родителей.

— Какая Муромцева все-таки дура! Воображает, что он никогда не изменял ей. И даже сейчас корчит из себя королеву! — исходит змеиным ядом Каневская, высокая кокетка, чьи роли по большей части постепенно и плавно перетекли к Муромцевой. Она до сих пор не может

пережить подобного конфуза и потому особенно рада унижению Полины. — Вы знакомы с Катенькой Луневской? — спрашивает она у Полины на генеральной репетиции, и глаза ее так невинны, а голос столь безмятежен, что можно было бы обмануться, не зная Полина, что перед ней актриса, хотя и не слишком великого таланта, но все ж одна из лучших на сцене Североеланского театра.

— Нет, мы с ней незнакомы! — подчеркнуто сухо отвечает Муромцева и хочет уйти в костюмерную, чтобы примерить платье, в котором Джульетта впервые встретит своего Ромео. Но ей не дают уйти. Каневская заступает ей дорогу уже на пару со своим любовником, сыном директора театра, Сергеем Зараевым. Он намного ее младше, довольно успешен в ролях второго, иногда первого плана, но предпочитает находиться под каблуком своей вздорной возлюбленной. По обычаю он больше молчит, но для Каневской главное, *что говорит она*, потому что знает, вскорости этот диалог станет известен Зараеву-старшему, а ведь известно: капля камень точит...

— Стран-но, — произносит она слегка нараспев и пожимает плечиками. И эти высоко поднятые плечи, злой блеск глаз, кривая многозначительная ухмылка договаривают остальное и воспринимаются Муромцевой крайне болезненно, но она — великая актриса, и потому остается внешне бесстрастной и даже равнодушной. Только после втихомолку плачет в своей гримерной, потом долго пудрится, чтобы скрыть красные припухшие веки, но на людях она все та же Полина Муромцева: слегка надменная и отстраненная с врагами и радушная и приветливая с друзьями.

В ее доме постоянно обедают пять-шесть «маленьких» артистов, которые получают не больше двадцати рублей в месяц и ютятся на жалких квартирках и в убогих номерах с раздавленными по стенам клопами. По этой причине тоже находятся любители позлословить. Дес-

кать, ей ничего не стоит держать открытый стол при том содержании, которое ей положил Савва Андреевич.

И никому невдомек, а она это не афиширует, что с первых мгновений их связи она твердо заявила, что не будет содержанкой. И отказывалась от любой помощи деньгами, даже когда в них нуждалась во время болезни. Да и к подаркам Булавина относилась крайне щепетильно, принимая лишь те, которые он ей дарил на бенефисах.

— Что странно? — Савва Андреевич неслышно подошел к ним сзади и подхватил последнюю фразу Каневской. Муромцева быстро оглянулась, и ей показалось, что она видит тревожный блеск в его глазах.

А Каневская торжествует.

— Ах, это вы? — Она очень умело изображает растерянность при виде Булавина, но тут же наносит по-змеиному молниеносный и беспощадный удар: — Удивительно, но Полина до сих пор незнакома с Катенькой Луневской. Говорят, она обещает вырасти в необыкновенную красавицу. Почему бы вам не познакомить их? Ведь вы сами так часто с ней катаетесь и даже обедаете в ресторане «Бела-Вю»...

Савва Андреевич ловит быстрый, пронзительный взгляд Полины и неожиданно для себя краснеет, как нашкодивший мальчишка. И тогда она молча поворачивается и уходит на сцену.

А потом получает это письмо. И слезы весь день напролет. А вечером — бенефис, где она первый раз умерла, увидев своего Ромео мертвым. А потом она умерла вторично, когда после спектакля Савва Андреевич пришел к ней в примерную с огромной корзиной ее любимых белых орхидей и она тихим, равнодушным голосом попросила его больше не тревожить ее своим вниманием и не появляться впредь ни здесь, ни в ее доме.

И он ушел, потому что она наотрез отказалась выслушать его объяснения, и не показался ни на традиционном банкете, ни позже, когда она вернулась домой.

В эту ночь она многое передумала. И прежде всего старалась быть безжалостной к самой себе, а потом уж к нему.

Да, он был романтиком в душе, но всю жизнь он только тем и занимался, что легко заводил связи и нарушал клятвы, поэтому не верил в добродетель и тайно ревновал ее ко всем поклонникам и артистам театра. Савва Андреевич не был отъявленным циником по натуре, но все ж его смущал огневой темперамент любовницы. И он почти бессознательно выработал своеобразную тактику: лишь только на горизонте возникала хотя бы тень предполагаемого соперника, он удваивал свое внимание и ласки и как бы старался утомить любимую женщину, насытить ее любовью, усыпить ее любопытство и жажду новизны, которые он исправно приписывал ей, но никогда не смел заявить об этом вслух. Задача была не из легких в его годы.

И самое печальное было в том, что он никак не мог или не хотел понять, что она никогда не была чувственной, она была только страстной. И способна была прожить без любовных утех и год, и два, если сердце ее молчало, и отдавалась мужчине только любя...

К утру, уткнувшись носом в промокшую подушку, она поняла, что окончательно потеряла его любовь, но не уважение к себе. И теперь с ней остались лишь громкая и заслуженная слава да сорок лет жизни за спиной.

Слава! Что в этом слове для нее? Она добилась признания, удача не обошла ее стороной. Она получает самое высокое жалованье в театре — триста рублей ежемесячно. Но кто знает, *какой* ценой все это доставалось! Кому, кроме нее самой, известно о тех бесконечных бессонных ночах, болях в сердце, жутких мигренях, когда кажется, весь мир насквозь пропитан уксусом, которым горничная смачивает полотенце и прикладывает к ее вискам.

Да, она заняла в театре высшее, признанное всеми

место. Она ездит на гастроли. Имя ее, отпечатанное на афишах крупным жирным шрифтом, дает полные сборы по всей Сибири. Публика встречает и провожает ее овациями, и за кулисами она держится гордо и надменно, как истинная королева. Дружбу с женщинами она почти не признает. И всем без исключения говорит «ты», кроме губернатора и директора театра, а ей все говорят «вы», кроме, пожалуй, двух-трех друзей, которых она знает по совместной работе еще там, в России...

Для североеланцев все, что за Уралом, — Россия, а здесь словно другое государство — Сибирь, — огромное и дикое, богатое и бедное одновременно. И здесь она почувствовала себя еще более несчастной и одинокой, чем там, в далекой и теперь уже недостижимой *России*.

Она почти богата благодаря гастролям, бенефисам и подношениям. Первейшие толстосумы губернии готовы целовать пол, по которому она ходит. Никому из актрис не подносят столько дорогих подарков во время бенефиса, сколько приходится их на долю Полины Муромцевой.

Купцы раскошеляются на ценные сервизы, меха, драгоценности, промышленники шеголяют друг перед другом оригинальностью подношений и их баснословными ценами. И те и другие платят по пятьсот и более рублей за ложу. Дом у нее — полная чаша, свои лошади, своя дача, где она отдыхает летом, семь человек прислуги. Ей завидуют, ее боятся. Ее боготворят и ее ненавидят. Но никто даже не подозревает, что ее *съедает* одиночество. Она — одинокий остров в бурном море. В море обожания, лести, цветов, любовных посланий, злобных перешептываний и лицемерного сочувствия.

Все знают, Полина Муромцева — известная покровительница молоденьких актрис, всех дебютанток, которых травят и преследуют мужчины. Чтобы получить приличную роль, они должны переспать или с антрепренером, или с режиссером, или с «первым любовником», а

часто со всеми тремя по очереди... Она всегда горячо вступается и яростно защищает женщин, будь то актриса или простая гримерша. У нее редкая черта, вернее, признак истинного таланта: она просто не способна к зависти и радуется каждому свежему дарованию и помогает ему, чем может, усердно и настойчиво расчищая ему дорогу на сцену. Ее кошелек и дом всегда открыты для желающих.

Но с врагами Муромцева беспощадна. Обид она никогда не забывает и не прощает. Она давно уже поняла, сколь сильна и убийственна сила смеха. И за кулисами, и в обществе она не скупится на язвительные характеристики и прозвища тем, кто ненавидит ее или откровенно, по-черному завидует ее красоте, славе, успеху у мужчин, и потому нет-нет да и бросит гаденькое словечко вслед или пустит злобный слушок за ее спиной.

Но грязь не липнет к ней, хотя — ох! — сколько раз пытались ее измазать дегтем и даже обвалить в перьях. Из любой переделки она всегда выходила с гордо поднятой головой и становилась еще красивее и соблазнительнее.

Сцена всегда была для нее жертвенным алтарем, на котором сгорают в два раза быстрее, потому что здесь успевают за одну жизнь прожить десятки, а то и сотни других. Сюда поднимаются умирать и возрождаться, любить и ненавидеть, радоваться и страдать, терпеть и надеяться, верить и ждать. И раз за разом воплощаться в своих героев, отдавая им часть своего тепла, души, здоровья.

И так из года в год — только дарить, дарить всю себя без остатка, без всякого снисхождения к самой себе... Забыть про собственное горе, слезы, болезни... Забыть, что печаль съедает и сушит сердце... Забыть о том злобном письме, подброшенном в гримерную незадолго до ее бенефиса, всего за несколько часов до ее небывалого триумфа, к которому она шла все эти долгие годы...

Муромцева зябко поводит плечами под тонкой ту-

рецкой шалью. Она хорошо понимает, что ее время безвозвратно уходит. Еще два-три года, от силы пять, и она будет вынуждена передать многие свои роли другим, может, не столь талантливым, но молодым актрисам.

Она подходит к окну. На дворе вовсю бушует весна, и оно открыто. Недавно распустилась сирень, и все вазы в доме и здесь, в гримерной, заполнили огромные белосиреневые букеты, издающие тонкий, будоражащий душу аромат. В клетке за ее спиной заливаются канарейки. Но даже весна ее не радует. Лицо ее враз осунулось, пожелтело, в глазах угрюмая, почти смертельная тоска.

Утром у нее в доме побывал ее старинный приятель, актер Шапарев. Он спрашивал у нее ответа: согласна ли поехать на гастроли по уже известному маршруту — Иркутск, Томск, Омск... Тогда она сомневалась, выспрашивала подробности и условия.

— Труппа подобралась неплохая, — объяснял Шапарев. — А примадонны нету. Откажешь, все рассыплется.

— Возьмите Палинецкую, — советует она равнодушно.

Но Шапарев удрученно качает головой.

— Таланта нету, милая. И имени нет.

— Зато как хороша, молода, стремительна! Куда нам, старухам, с такими кобылками тягаться?

Шапарев громко сморкается в огромный клетчатый платок. Его разбирает смех. Но какова? Впервые он видит, чтобы Муромцева ревновала к молодости.

— Для сцены, красавица, молодость — вещь дешевая, — говорит он назидательно. — И годы при таланте значения не имеют. До известной границы, конечно. Ну, а тебе до подобных границ еще ой как далеко! Хе-хе!.. Знаешь поговорку: в сорок лет — маков цвет! В сорок пять — баба ягодка...

Но она жестко смотрит на него и не дает закончить фразу.

— Я устала. Я хочу уйти.

Шапарев делает преувеличенно большие глаза, приподнимается с кресла и начинает мелко крестить воздух.

— Очнись, Поленька! В твои-то годы на покой? Твое же имя единственное, которое дает полные сборы по всей Сибири! Ты бы уж сразу тогда напрямки в монастырь.

Муромцева хмурит тонкие брови. Пальцы ее нервно перебирают и накручивают на палец бахрому шали.

Шапарев наблюдает за ней и мысленно сетует. Неужто и впрямь безумно влюблена в Булавина? Но почему ж так решительно дала ему отставку? Да и что, спрашивается, она нашла в этом *славянском шкафе*? Так он слегка презрительно называет Савву Андреевича про себя, потому что один из немногих знает: Муромцева никогда не была его содержанкой.

Шапарев вздыхает и вновь оглушительно сморкается в свой безразмерный платок. Э-хе-хе, хе-хе! Молодости свойственно заблуждаться, а старости — сомневаться. И это один из законов подлой жизни! Но чего, спрашивается, страдать? Кругом одни воздыхатели: купцы, промышленники, офицеры... И свой брат-актер. Выбирай любого! Но она запала на этого грузного, стареющего ловеласа, и, кажется, даже свет померк в ее глазах после столь непонятного ему, Шапареву, разрыва?

И он действительно многого не понимает! Булавин увлекся девчонкой... Тридцать пять лет разницы! Нет, это не поддается ее разумению, и от этого она страдает еще больше, а обида и унижение чуть ли не убивают ее. Ведь он выбрал не душу, не ум, не талант, он выбрал юное тело... Но она ни за что не станет бороться за свое место в его сердце. Она знает на собственном опыте, что насильно мил *никогда* не будешь!..

Но вслух говорит:

— Брошу года на два сцену. Уеду за границу, отдохну, подлечусь, мир посмотрю. Я так устала от этой мишуры и злословия. Мне так хочется отдохнуть.

— Ты в своем уме, Поленька? — Лицо Шапарева вытянулось. Он соскочил с кресла и принялся нервно ходить по комнате и даже заламывать руки от отчаяния. Она внешне спокойно следила за ним взглядом.

— Ты ведь умрешь без сцены, — в голосе его слышны неподдельные слезы. — Ты ведь сама себя не знаешь, Полюшка. Ты за этой границей будешь задыхаться, как рыба на песке. И еще больше будешь мучиться, страдать, изнывать от тоски и ностальгии. — Он опять плюхается в кресло и страдальчески прикрывает глаза ладонью.

— Я все прекрасно понимаю, — отвечает она. — Но потом я вернусь...

— Потом? Шутка сказать! Потом уже старость, Полюшка!

— Ну что ж! Я ведь не «простушка». Перейду прямо на старух. Только не здесь, где всяк меня знает и видел на первых ролях. Уеду в тот же Тесинск. Там, говорят, неплохой театр, и режиссер молодой, но большой умница. Ты меня знаешь, я и в роли старух кого угодно переплюну. А тут мне все постыло! Пойми, дорогой, куда ни гляну здесь, куда ни выйду — тоска! Североеланск мне уже могилой кажется...

Ее голос срывается. Она подходит к окну, долго смотрит в него, потом тихо говорит:

— Как пахнет! — Она, кажется, не может надышаться ароматом сирени. Крылья ее тонкого носа чувственно подрагивают. — Божественный запах! — Голос ее звучит скорбно, и Шапарев чувствует, что она еле сдерживает слезы.

Он встает с кресла, кряхтя и отдуваясь, берет ее маленькие руки в свои большие.

— Не откажи, Полюшка, старому товарищу. Конечно, такая примадонна, как ты, нам не по зубам. Но львиная доля доходов — твоя! А без тебя мы зубы на полку положим, ей-богу, не вру! Да ты и сама это прекрасно